

культурой – развитие туризма. Культурный туризм является разновидностью туризма. Культурный туризм – это посещение памятников архитектуры и достопримечательностей, участие в обрядах. Здесь же присутствует и гастрономическая составляющая культурного туризма. Для белорусских регионов неотъемлемой такой бренд как картофельные блюда. Для развития туризма нужно развивать и событийный туризм. Кроме фестиваля «Славянский базар в Витебске» есть много других событий. Например, «Дажынкі», «Вишневый фестиваль» (г. Глубокое) и другие.

Литературно-издательская деятельность. В сфере литературно-издательской деятельности возможен выпуск сборников «Витебск глазами гостей», «Витебск и его уроженцы» для зарубежной аудитории. Можно практиковать написание иностранными журналистами и писателями книг и туристических проспектов, выпуск альбомов по культурному наследию и рассылка их за границу в университеты и библиотеки.

Таким образом, работа по формированию имиджа приграничной территории должна вестись активно и по всем возможным направлениям, в том числе и в сфере культуры.

Литература и источники

1. Замятина, Н.Ю. Особенности географической репрезентации социокультурных регионов России в характеристиках субъектов РФ / Н.Ю. Замятина, Е.Ю. Белаш // Социс. – 2006. – № 9. – С. 63–72.
2. Богдан, Е.Н. Медиаобраз России как понятие теории журналистики // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2007. – № 4. – С. 122–127.
3. Федякин, А.В. Политика формирования позитивного образа СССР в 1950-е – 1980-е гг. и ее применимость в современных условиях // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2007. – № 4. – С. 29–44.
4. Важенина, И. Бренд территории: определения, сущность, формирование // Проблемы теории и практики управления. – 2011. – № 9. – С. 34–42.
5. Николаева, Ю.В. Эволюция образа Франции в массовом сознании россиян // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. – 2005. – Вып. 1. – С. 116–120.
6. Макаров, Д.В. Программы «Культурные столицы СНГ» и «Культурные столицы Европы» / Д.В. Макаров, А.А. Демьяненко // Власть. – 2014. – № 7. – С. 96–99.

ФРУСТРАЦИОННЫЕ РЕАКЦИИ ВЕРУЮЩИХ В УСЛОВИЯХ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОГО КОНФЛИКТА

Курачев Д. Г. (Брянск, Россия)

Фрустрация – феномен, характеризующий состояние личности. Профиль или особенности фрустрационных реакций рассматривается как важнейший фактор когнитивно-эмоциональной сферы личности, определяющий поведение в самых разнообразных жизненных ситуациях.

Для изучения межконфессионального конфликта в ситуациях

депривационного воздействия со стороны представителей чужих религий нами использовался адаптированный тест фрустрационных реакций (Розенцвейг). Смоделированный таким образом искусственный межконфессиональный конфликт был направлен на выявление: общей адаптированности к ситуациям фрустрации; типов реакций в ситуации фрустрации в ответ на депривационное воздействие со стороны представителей различных религий; наличия остаточной зафрустрированности после депривационного воздействия. Тест актуализирует ситуации, в которых происходит конфликтное обострение, что позволяет выявить латентные установки и не проявляемые в спокойной социальной атмосфере паттерны поведения.

В исследовании с использованием метода фрустрационных реакций принимали участие мусульмане: конфессионально ориентированные на ислам – 98 человек, из них 48 юношей, 50 девушек; православные: конфессионально ориентированные на православие – 100 человек, из них 50 юношей, 50 девушек; язычники – 50 человек, 25 юношей, 25 девушек; кришнаиты 40 юношей и 40 девушек. Возраст испытуемых от 17-ти до 25 лет.

Выявлено, что православные, мусульмане и язычники, в отличие от сектантов-кришнаитов, демонстрируют наличие развитых форм социального реагирования, проявляемого в ситуациях конфликтной фрустрации. У православных, мусульман и язычников также выявлена актуализация и сформированность межконфессиональных представлений, специфически проявляющихся в ситуациях депривационного воздействия со стороны представителей различных религий.

Кришнаиты преимущественно обнаруживают неадекватность и застревание на конфликте, при очень слабой выраженности адекватного, а также социально нормативного агрессивного поведения. Подобный репертуар неэффективен и входит в диссонанс с формами социальной адаптивности в магистральной культуре, где требуются инициатива, активность и умение постоять за себя.

Православные, мусульмане и язычники к конфликтной ситуации, вне зависимости от конфессиональной принадлежности, демонстрируют примат агрессивной, либо игнорирующей нелояльности. Нелояльность носит выборочный характер и зависит от конфессиональной принадлежности деприватора. По отношению к представителям собственной религии нелояльность уменьшается, а лояльность либо усиливается, либо имеет тенденцию к усилению.

У представителей всех изучаемых религий прослеживается более выраженное увеличение остаточной обиды после конфликтного воздействия именно иноверцев. Таким образом, в моделируемом конфликте с иноверцами проявляется значительное усиление внутриконфессионального фаворитизма и межконфессиональной дискриминации (неодинаковой по отношению к разным религиям).

У православных и мусульман в формах распределения реакций

обнаружено скорее больше сходства, чем различий, хотя, следует заметить, что различия все же есть. Даже в ситуации взаимного депривационного воздействия существует гораздо более осторожное и сдержанное отношение православных и мусульман друг к другу, чем их же к язычеству. При этом сами язычники больше негатива проявляют по отношению к исламу, нежели к православию. Ответы мусульман и православных показали и то, что их толерантность друг к другу в условиях конфликтного взаимодействия ослабляется. При этом православные в своем агрессивном и игнорирующем негативизме более конгруэнтны, то есть не пытаются скрыть своих истинных чувств, тогда как мусульмане склонны в большей степени накапливать негатив и утаивать обиду, что является деструктивной перцептивной установкой и будет сказываться в дальнейшем общении уже непосредственно несвязанном с конфликтом. Ответы язычников, с их высокой агрессивностью и остаточным негативным шлейфом, снова характеризуют их межконфессиональное восприятие как маргинальное, при этом крайний негативизм прослеживается к мусульманам и к протестантам. У язычников обнаружен выраженный групповой фаворитизм, что является «оборотной» стороной их аутогрупповой агрессии.

Гендерный аспект различий проявляется в том, что у девушек православных спектр ответов смещается более в сторону неадекватной лояльности, а у мусульманок – в сторону игнорирования, язычницы в рамках собственной конфессиональной общности проявляют выраженную адекватную и неадекватную лояльность. Девушки (вне зависимости от своей конфессиональной принадлежности) даже в бесконфликтных ситуациях по отношению к юношам проявляют большую пассивность. Представленные гендерные различия отражают полоролевые стереотипы. Учитывая их специфику в ситуациях гипотетического увеличения напряженности, можно ожидать, что именно мужская группа верующих встанет в авангарде межконфессиональных конфликтов.

В условиях конфликта межконфессиональное восприятие проявляется в различных формах и характеризуется: неадекватностью, агрессией, лояльностью и игнорирующей нелояльностью. При этом открытая агрессия, лояльность и скрытая нелояльность носят выборочный характер и зависят от конфессиональной принадлежности субъектов, провоцирующих конфликты. Особенно сильно неадекватность и агрессивность проявляется между верующими с различными «культурными корнями», а также ввиду отсутствия исторически сложившегося опыта коммуникации. Если конфликтантами являются представители «своей» религии, то агрессия смягчается, а лояльность усиливается.

В целом налицо то, что депривация влечет за собой обострение деструкции в межконфессиональных отношениях. Обостряются и усиливаются негативные тенденции, преодолевается зыбкий барьер взаимной толерантности. Это выглядит особенно тревожно и потому, что как среди православных, так и среди мусульман (преимущественно среди мужской части верующих) существуют немногочисленные группы с радикальными по

отношению друг к другу настроениями. Эти настроения являются своего рода постоянно взведенным и готовым взорваться детонатором. Есть все основания полагать, что на фоне общего усиления межконфессиональной деструкции эти группы «подготавливают» такой поворот обстоятельств, в котором религиозные доктрины могут катализировать взаимную нетерпимость. Именно поэтому весьма возможен такой поворот обстоятельств, что религии с их идеалами добра и человеколюбия вполне могут трансформироваться в идеологический инструмент убийства и кровавой резни.

В силу присущей любому сознанию тенденции к оппозиционированию и отчуждению по формуле «Мы» и «Они», «Свой-Чужой» чаша весов гораздо легче будет склоняться в сторону негативизации и деструктивизации образа «Чужой религии», чем к его позитивизации. Достаточно усиления социального напряжения, спланированной провокации и т.д., для того чтобы хрупкий мир общественного межрелигиозного согласия нарушился, и конфессиональные группировки получили бы повод для взаимной конфронтации.

УСЛОВИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ КОММУНИКАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЛЮДЕЙ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ДИАЛОГА

Курилович М. А. (Минск, Беларусь)

Известно, что разговорная речь являет собой коммуникативное взаимодействие людей и, следовательно, предполагает определенные нюансы такого целенаправленного поведения.

Начиная с античности исследователи разговорной речи, как отечественные, так и зарубежные, различают такие ее формы, как диалог, полилог и монолог, признавая диалог «естественной» формой существования языка, а монолог – «искусственной». Диалог исследователи определяют как разговор более чем одного участника общения, в основном, устное межличностное вербальное взаимодействие [3, с. 327].

Как уже известно, строение диалога определяется не столько правилами языкового поведения людей, сколько канонами межличностного взаимодействия, а также индивидуальными особенностями мировосприятия говорящих. В каждом высказывании говорящий предстает как личность с определенными этническими, национальными, культурными характеристиками и ориентирами. Таким образом, достижение цели диалога, а именно, достижение полного взаимопонимания и согласия, требует выполнения не только речевых условий, но и понимания психологических особенностей коммуникативного взаимодействия.

Проблема поверхностного рассмотрения диалога приводит к частичному объяснению феномена, часто с искажениями. На сегодняшний день необходимо сформулировать условия эффективности